

Диана Ибрагимова

Виндера

Танец
медных королей

N SUGAR
BOOKS

Москва
2024

*Посвящается
близким людям, которые
поддерживают наши мечты*

ПРОЛОГ

Было очень холодно и жестко. Это первое, что почувствовал Альберт, когда пришел в себя. А первым, что он увидел, с трудом разлепив веки, была книга в серебряном переплете. Она лежала на камне, и ее шелестящие страницы казались ослепительно-белыми на фоне скалы, облюбованной пятнами мха — бурыми и редкими, прямо как усы продавца шариков с живыми ящерками, которого Альберт хорошо запомнил, потому что его красное лицо еще много ночей снилось ему после того, как поздним вечером Альберт подговорил мальчишек выкрасть целый ящик этих шариков и выпустить рептилий на волю. Их тогда поймали — к счастью, только ребят, — и продавец долго кричал то на Альберта, то на невозможного папу, которому объяснял, какие неимо-

верные убытки принесла ему эта шалость и как следует воспитывать детей, чтобы они выросли достойными членами общества, а не бандитами.

Когда проблема была решена выписанным чеком и отец с сыном отправились назад к Букашке, Альберт боялся и голову поднять. И тогда папа неожиданно спросил:

— Что ты думаешь о его усах? Мне кажется, ночью их общипали ящерицы.

И вместо выговора он купил Альберту большое мороженое, но съесть его было невозможно из-за смеха, как и донести жарким летним вечером еще два рожка со сливочными шариками маме и Рине. Но им рассказ о плешивых усах тоже понравился куда больше сладостей, и все были довольны.

Теперь же Альберт словно сам превратился в ящерицу, которую опустили в ледяную воду, от чего она оцепенела. Ветер неистово трепал страницы книги, и один из белых листков оторвался и шлепнулся Альберту прямо в лицо.

Он вздрогнул. Пошевелился. Одной рукой убрал бумагу с глаз, другой помог себе сесть. В ладонь вонзилось колкое каменное крошево, отпечатавшееся и на щеке, но боль пришла с запозданием: Альберт сильно замерз. Он был в своей любимой яблочной пижаме — бабушка Ната

самолично вышила на светлом хлопке каждое яблоко — и в носках, которые не снимал даже ночью. Тонкая ткань совсем не спасала от зябкого мира, где очутился Альберт.

Он был все еще слишком сонный, чтобы пугаться, и вяло вертел головой по сторонам, но листок вырвался из его руки и снова шлепнул по лицу.

— Ай!

На этот раз Альберт разглядел послание Рины. Ее округлый и корявый — несмотря на то, что сестра явно старалась писать аккуратно — почерк он бы узнал из тысячи:

Привет, будущий Странник!

Надеюсь, ты все-таки появишься, когда я исчезну, ведь проклятие никуда не делось.

Меня зовут Рина. Я Семнадцатая Виндера.

Прямо сейчас я сижу возле ящика, в который вставлена последняя кнопка. И у меня плохая новость — он не работает. Механизм оказался обманкой. Никакого седьмого крыла не существует, и невозможно снова запустить Ветродуй, потому что он был создан для одного-единственного запуска.

По крайней мере, именно это я услышала, когда включилась запись, которую оставил нам принц Аскар.

Я как могла пыталась раскрутить ветровое колесо и своими силами, и с помощью Проводников, но у меня ничего не вышло. И я уверена, что принц Аскар за этим наблюдал. Наблюдал за моим отчаянием. Все говорят, что он ушел в пустыню или уехал куда-нибудь, но вдруг он остался здесь, чтобы следить за нами? Иначе зачем ему все это? Месть имеет смысл, только когда ты видишь реакцию тех, кому мстишь.

Я думаю, проклятие, наложенное на Ветроуду, создано для того, чтобы никто не пытался вселиться в эту штуковину из-за страха перед ней. И я думаю, именно принц Аскар не дает Ветроуду двигаться. Он поместил себя внутрь механизма и оттуда наблюдает за нами – Виндерами. Я бы не была в этом так уверена, если бы не его запись. Мне она показалась подозрительной.

Для начала, я не уверена, что это вообще запись: она не заработала сразу после того, как я нажала на кнопку, как будто принцу нужно было время, чтобы все настроить. И ее оказалось невозможно воспроизвести заново. Такое чувство, будто принц просто появился ненадолго, сказал, что хотел, и снова пропал.

И еще я запомнила пару подробностей. Аскар несколько раз упоминал, что водил нас за нос двести лет. То есть называл конкретную цифру. Допустим, он просто предположил, что мы будем маяться с поис-

ком кнопок до самого конца срока. Но еще он сказал, что нас было два десятка Странников. Откуда ему знать эту цифру? Нас могло быть три десятка, или четыре, или один. Он не сказал «несколько», он сказал именно «два десятка». И упомянул, что мы пытались создать свои версии кнопок.

Либо он гениальный стратег и провидец, либо все это время следил за нами. И наверняка отсюда. Думаю, именно он охраняет Ветродуй, чтобы никто не смог разрушить его проклятие, потому что тогда веселью придет конец.

Я хочу проверить свою догадку и поэтому тоже стану Ветродуем. Принцу придется подвинуться там, внутри! Не уверена, что сумею победить его и запустить ветровое колесо сама, но я точно смогу подать Проводникам знак до того, как усну.

Принц Аскар – сильный кудесник, так что он быстро подавит мою волю. С моим другом, увы, случилось то же самое. Но перед этим у меня будет пара секунд, и я попробую что-то сделать. Ну, не знаю, может, лопасти задрожат или заскрипят. В таком виде, как сейчас, Ветродуй – просто безмолвная неподвижная громадина. Если она таковой и останется – увы... Значит, я ошиблась.

Как-то странно, что я все это тебе пишу. Когда ты прийдешь сюда, уже многое будешь знать от короля и ученых. Но это просто такая традиция: предыду-

щий Виндер пишет письмо новому, кратко вводя его в курс дела.

Я оставила тебе сумку возле Ветродуя. В ней ты найдешь часы. Пожалуйста, позаботься о них – там моя семья. Натан расскажет тебе, как с ними можно общаться.

На этом у меня все. Уверена, ты придумаешь, как мне помочь. Может, ученые пробудят сильного кудесника, который точно победит принца Аскара. Или произойдет что-то еще.

Теперь, когда мы зашли в тупик, на ситуацию можно посмотреть с новой стороны. Мы наверняка найдем выход в том месте, где никогда его не искали, потому что были уверены, что путь только один.

Мне, если честно, страшно до жути, но у нас осталось всего два с небольшим месяца, и я хочу сделать все, что от меня зависит. Свой путь я прошла, теперь настала твоя очередь. Ты тоже постарайся сделать все возможное. Уверена, что мы еще встретимся.

*С любовью
Катрина Шегри*

Альберт не понял почти ничего из прочитанного. Он снова посмотрел по сторонам: впереди плато обрывалось в пропасть, за которой на фоне алого горизонта чернели силуэты мельниц, а по-

зади оно упиралось в громадный, вмонтированный в скалу механизм с зеркальными лопастями.

— Это, наверное, сон, — пробормотал Альберт. — Мы вчера говорили про Ветродуй, и теперь он мне снится... Правда же? Проснись! Проснись!

Он несколько раз стукнул себя кулаком по макушке. Было больно, но не помогло.

Альберта пробила запоздавшая дрожь. Такая сильная, что аж зубы застучали и листок затрясся в руке. Еще раз охватив быстрым взглядом пространство вокруг себя, Альберт впился глазами в серые буквы. В этот раз он понял из письма гораздо больше, и ужаливший его испуг, яд от которого мгновенно разошелся по телу жаром, заставил Альберта вскочить на ноги.

— Рина! — крикнул он, глядя на неподвижный механизм. — Ри-и-ина-а-а! Я тут! Это я!

Он даже попрыгал и помахал руками, словно стоял на берегу необитаемого острова и увидел на горизонте корабль. Не дождавшись ответа, бросился к камню, где шелестела книга, но в первую очередь схватил не ее, а старую подранную сумку, внутри которой обнаружил единственный целый карман, а в нем — дедушкины часы.

— Мама! Пап! Вы тут?

Стрелки встревоженно закрутились.

— Нет, только не это... — Вот теперь до Альберта дошло окончательно. — Рина-а-а! — снова крикнул он в пустоту и замер, прислушиваясь.

Было тихо. Исчез даже ветер, трепавший страницы. И ни одна зеркальная лопасть не дрогнула. Альберт открыл книгу в надежде отыскать в ней подсказки, но все листы оказались пустыми. В отчаянии он швырнул ее обратно на камень. Потом присел на корточки, сжимая в одной руке часы, а другой схватившись за голову со спутанными рыжими вихрами. Но от этого легче не стало, и Альберт, спасаясь от жутких мыслей, подбежал к Ветроую и принялся колотить металлическую лопасть с криком:

— Эй ты, чокнутый старикашка! А ну выпусти мою сестру! Рина! Рина! Я тут! Поддай мне какой-нибудь знак! Это я, Альберт!

Он замер, тяжело дыша, готовый надумать себе какой угодно звук, только бы не оставаться в этом одиноком безмолвии, но шум раздался не со стороны Ветроуя, а с противоположной. Альберт боязливо направился к краю плато. Необъяснимая тревога не давала ему двигаться быстро, словно он уже знал, что именно увидит внизу.

Подобравшись к обрыву, Альберт снова опустился на корточки и преодолел остаток пути

почти ползком. У самого края стала видна каменная лестница, а далеко внизу боролись между собой бесформенные существа, похожие на куски грязи или огромных червей. Они копошились в кустах у подножия скалы, что-то вырывали друг у друга, сталкивались с лязгом и грохотом. Альберт отпрянул. Дрожь пробрала его с новой силой, заставив вцепиться в плечи обеими руками.

— Рина! — вскрикнул он, вернувшись к Ветродую. — Выходи оттуда! Выходи! Эй! Что мне делать? Как тебе помочь? Рина!

Он взялся перечитывать письмо, надеясь каким-то чудом отыскать там ответы и новые смыслы. Закрапал дождь, крупные капли, падая на бумагу, соскальзывали с нее, как с брезента, и совсем не промачивали, чего не скажешь о пижаме Альберта. Внезапный ветер снова выхватил у него листок и медленно, словно дразнясь, стал увлекать к краю плато, где начиналась лестница.

— Стой! — потянулся за ним Альберт.

Для него в этом послании уже не было смысла, но прямо сейчас оно оставалось единственной ниточкой, которая связывала его с сестрой, и Альберт не мог ее упустить. Он побежал следом, и, когда застыл на краю плато, испугавшись высоты и тварей внизу, листок замер вместе